

гом Грозного, — среди писаний Ермолая-Еразма. Известен и интерес Грозного к памятникам письменности из Муромского цикла, связанный с десятидневным пребыванием Грозного в Муроме накануне взятия Казани.⁹ Участие Грозного в строительстве муромских храмов и продолжающееся внимание к культуре «новых муромских чудотворцев» нашли свое отражение в заключительной части средней и пространной редакций «Жития князя Константина с чадами», где говорится о построении каменного храма в Муроме после возвращения Грозного из-под Казани: «того же году на лето прислал государь царь в Муром каменщиков... И свершив церковь каменную Благовещения пресвятой богородицы и предел чудотворцев Муромских, благоверный царь и великий князь Иван Васильевич, всея Руси прислал в Муром образы и книги».¹⁰

Выясняя историю создания лицевой рукописи «Повести о Петре и Февронии», помещенной в рассматриваемом памятнике перед «Сказанием о граде Муроме», приходилось указывать на неразработанность иконографии «новых муромских чудотворцев», необычность их жития, а потому невозможность следовать привычным агиографическим схемам при создании жития и воспользоваться традиционной иконографией для написания житийной иконы. Уже говорилось о возможном промежуточном моменте в сложении этой иконографии — о создании лицевой рукописи. В пользу этого говорят и прямоугольная форма миниатюр, снабженных краткой надписью, и некоторая упрощенность архитектурных фонов, и их строгая подчиненность плоскости страницы, напоминая построение клейм житийных икон, и, наконец, совпадение сюжетов и композиции нескольких более поздних житийных икон Петра и Февронии с миниатюрами лицевой рукописи. Некоторое подкрепление эти соображения имели и в письменных источниках. Не только в приводимом выше тексте «Жития князя Константина Муромского с чадами», но и в позднейших описях муромских достопримечательностей, в частности в описи, относящейся к началу XVII столетия, упоминается о рукописных книгах, присланных Иваном IV.¹¹ Делать те же предположения по поводу лицевой рукописи «Сказания об обновлении града Муроме» несколько сложнее. Прежде всего нет аналогии данной рукописи в житийных иконах Василия Рязанского. Правда, эпизоды перенесения Муромской епископии в Рязань нашли себе место в обширном цикле клейм в житийной иконе князя Константина с чадами, выполненной в конце XVII столетия местным муромским «изографом» Казанцевым. Однако стилистических аналогий здесь усмотреть невозможно. Нет и прямых совпадений в раскрытии отдельных эпизодов жития Василия Рязанского. В то же время разработанность иконографии, обширность и исчерпывающая полнота передачи содержания «Сказания» в миниатюрах рукописи бывш. Лихачевского собрания заставляют думать, что это не первое произведение изобразительного искусства на тему жития Василия Рязанского. Можно предположить существование протооригинала

⁹ Необходимо напомнить, что Иван Грозный находился в Муроме с 13 июля 1552 г. десять дней в ожидании соединения с войсками Шигалея. В эти дни он «обходит с молением» Муромские храмы и поклоняется «сродникам своим» — новым муромским чудотворцам [см.: ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, СПб., 1904 (под 1552/7060 г.), а также: Казанская история, М.—Л., 1954, стр. 193, 162 и др.].

¹⁰ Житие благоверного кн. Константина Муромского с чадами. Цит. по кн.: Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, М., 1915, стр. 106.

¹¹ «В 1637 году по указу царя Михаила Федоровича писцами Борисом Бартевым да подъячим Максимовым произведена была подробная опись всего города Муроме» (Архим. Мисаил. Св. благоверный кн. Константин Муромский и Благовещенский монастырь. — Труды Владимирской архивной комиссии, кн. VIII, Владимир, 1906, стр. 98, 99).